

Научная статья

УДК 351.85:316.77:004.738.5

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-3-149>

ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО ПАТЕРНАЛИЗМА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

С. В. Поляков

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова, Королёв, Россия

e-mail: svpolyakow@ya.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена радикальной трансформацией коммуникационной среды молодежи вследствие цифровизации, что снижает эффективность традиционных механизмов государственной молодежной политики и требует концептуализации новых форм взаимодействия государства с молодым поколением. Цель работы – теоретическое осмысление феномена цифрового патернализма как инновационной модели государственной молодежной политики и анализ практических механизмов ее реализации в современных условиях. Методологический аппарат исследования включает социально-философский анализ, синтез концепций неопатернализма, платформенного капитализма и алгоритмического управления, а также институциональный анализ конкретных механизмов реализации цифрового патернализма. Результаты исследования представлены выявлением ключевых вызовов цифровизации для традиционных инструментов государственного воздействия на молодежь: изменение каналов коммуникации, трансформация принципов формирования молодежных сообществ, снижение доверия к формальным институтам и изменение когнитивных процессов молодого поколения. Концептуализирован феномен «цифрового патернализма» как механизма государственного взаимодействия с молодежью через интеграцию в популярные цифровые экосистемы. Выделены его сущностные характеристики: делегирование патерналистских функций цифровым платформам, маскировка государственного присутствия, адаптация к цифровой культуре молодежи и создание иллюзии свободного выбора. На материале сотрудничества государственных структур с социальной сетью ВКонтакте выявлены конкретные механизмы реализации новой модели: интеграция государственных сервисов в цифровые платформы, геймификация государственных инициатив, алгоритмическое продвижение контента и создание «модных» молодежных движений с государственной поддержкой. Научная новизна работы заключается в концептуализации «цифрового патернализма» как качественно нового этапа эволюции государственной молодежной политики, синтезирующего элементы традиционного патернализма с возможностями цифровых платформ и алгоритмического управления. Практическая значимость исследования состоит в выявлении конкретных механизмов реализации цифрового патернализма, обеспечивающих повышение уровня вовлеченности молодежи, снижение негативного восприятия государственных инициатив и оптимизацию государственных ресурсов. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются изучение потенциала внедрения искусственного интеллекта, дополненной реальности и блокчейн-технологий в инструментарий цифрового патернализма, а также анализ социальных последствий трансформации моделей гражданской активности и форм социального контроля. Для полноценной реализации потенциала цифрового патернализма рекомендуется обеспечение прозрачности механизмов воздействия, решение этических проблем и преодоление цифрового неравенства.

Ключевые слова: цифровой патернализм, государственная молодежная политика, цифровая трансформация, цифровые платформы, геймификация, социальные сети, неопатернализм.

Для цитирования: Поляков С. В. Феномен цифрового патернализма как фактор трансформации государственной молодежной политики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 3. – С. 149–160. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-3-149>.

THE PHENOMENON OF DIGITAL PATERNALISM AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF STATE YOUTH POLICY

S. V. Polyakov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut A.A. Leonov, Korolev, Russia

e-mail: svpolyakov@ya.ru

Abstract. *The relevance of this research is determined by the radical transformation of youth communication environments due to digitalization, which reduces the effectiveness of traditional mechanisms of state youth policy and requires conceptualization of new forms of interaction between the state and the younger generation. The aim of the study is to provide a theoretical understanding of the digital paternalism phenomenon as an innovative model of state youth policy and to analyze practical mechanisms of its implementation in modern conditions. The methodological framework includes socio-philosophical analysis, synthesis of neopaternalism concepts, platform capitalism and algorithmic governance, as well as institutional analysis of specific mechanisms for implementing digital paternalism. The research results identify key challenges that digitalization poses to traditional tools of state influence on youth: changing communication channels, transformation of youth community formation principles, declining trust in formal institutions, and changes in cognitive processes of the younger generation. The phenomenon of «digital paternalism» is conceptualized as a mechanism of state interaction with youth through integration into popular digital ecosystems. Its essential characteristics are highlighted: delegation of paternalistic functions to digital platforms, masking of state presence, adaptation to youth digital culture, and creation of an illusion of free choice. Based on the cooperation between government structures and the VKontakte social network, specific mechanisms for implementing the new model are identified: integration of state services into digital platforms, gamification of state initiatives, algorithmic promotion of content, and creation of «trendy» youth movements with state support. The scientific novelty lies in the conceptualization of «digital paternalism» as a qualitatively new stage in the evolution of state youth policy, synthesizing elements of traditional paternalism with the capabilities of digital platforms and algorithmic governance. The practical significance of the research consists in identifying specific mechanisms for implementing digital paternalism that increase youth engagement, reduce negative perceptions of state initiatives, and optimize state resources. Promising directions for further research include studying the potential for implementing artificial intelligence, augmented reality, and blockchain technologies in digital paternalism tools, as well as analyzing the social consequences of transforming models of civic activity and forms of social control. For the full realization of digital paternalism's potential, it is recommended to ensure transparency of influence mechanisms, address ethical issues, and overcome digital inequality.*

Key words: digital paternalism, state youth policy, digital transformation, digital platforms, gamification, social networks, neopaternalism.

Cite as: Polyakov, S. V. (2025) [The phenomenon of digital paternalism as a factor in the transformation of state youth policy]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 149–160. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-3-149>.

Введение

Государственная политика в отношении молодежи традиционно выступает ключевым инструментом обеспечения преемственности поколений и поддержания социальной стабильности. Однако радикальные изменения коммуникационной среды, вызванные цифровизацией, существенно трансформируют как пространство социализации молодого поколения, так и возможности государственного воздействия на эти процессы. В этих условиях классические механизмы реализации молодежной политики демонстрируют снижающуюся эффективность, что

делает необходимым поиск новых концептуальных подходов к взаимодействию государства и молодежи.

Актуальность исследования обусловлена выявленным противоречием между патерналистской сущностью государственной молодежной политики в России и сетевой, горизонтальной природой цифровых коммуникаций молодежи. Это противоречие создает потребность в теоретическом осмыслении возникающих гибридных форм государственного влияния, которые синтезируют элементы традиционного патернализма с логикой цифровых платформ. Несмотря на растущее внимание исследователей к

трансформации государственных институтов в цифровую эпоху, концептуальные модели адаптации патерналистских практик к сетевой среде остаются недостаточно разработанной областью междисциплинарного знания.

Научная новизна работы заключается в теоретической концептуализации феномена «цифрового патернализма» как качественно новой модели государственной молодежной политики, характеризующейся следующим: 1) делегированием патерналистских функций цифровым платформам; 2) маскировкой государственного присутствия под естественные социальные взаимодействия; 3) адаптацией к цифровой культуре молодежи; 4) созданием иллюзии свободного выбора через алгоритмическое управление. Впервые предложен и обоснован теоретический синтез концепций неопатернализма, платформенного капитализма и алгоритмического управления для объяснения трансформации государственно-молодежных отношений в цифровой среде.

Целью исследования является теоретическое осмысление феномена цифрового патернализма как инновационной модели государственной молодежной политики и анализ практических механизмов ее реализации в современных условиях. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: 1) выявление ключевых вызовов цифровизации для традиционных моделей государственной молодежной политики; 2) концептуализация феномена «цифрового патернализма» и определение его сущностных характеристик; 3) анализ практических механизмов реализации цифрового патернализма на примере сотрудничества государственных структур с социальной сетью ВКонтакте; 4) оценка преимуществ, ограничений и перспектив развития данной модели.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие социально-философского понимания трансформации государственного управления в условиях цифровизации, а практическая значимость заключается в выявлении конкретных механизмов повышения эффективности государственной молодежной политики через интеграцию в цифровые экосистемы.

Традиционные модели государственной молодежной политики

Государственная молодежная политика представляет собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого и информационного характера, осуществляемых государством для создания условий самореализации молодежи и развития молодежных иници-

атив [6]. При этом сущностное содержание данной политики существенно варьируется в зависимости от политического контекста, социокультурных особенностей и исторических традиций конкретного общества.

В современной теории государственного управления сформировались различные модели молодежной политики, отражающие специфику государственного участия в процессах социализации молодежи. Патерналистская модель, характерная для обществ с сильной ролью государства, основывается на интенсивном государственном вмешательстве в процессы социализации молодежи и значительном объеме государственного финансирования молодежных программ. В рамках данной модели молодежь рассматривается преимущественно как объект государственной заботы и воспитательного воздействия, а не как субъект самостоятельного политического действия. Эта модель исторически доминировала в российском контексте, формируя специфический характер взаимоотношений государства и молодого поколения [10].

В противоположность патернализму, либеральная модель, распространенная в странах с развитой рыночной экономикой и гражданским обществом, минимизирует прямое государственное вмешательство и фокусируется на создании условий для индивидуальной активности молодых людей. Государство в данном случае выступает скорее фасилитатором, чем активным агентом социализации, обеспечивая равенство возможностей и правовую защиту, но не навязывая конкретных форм самореализации.

Социал-демократическая модель, преобладающая в странах Северной Европы, представляет собой промежуточный вариант, синтезирующий элементы патернализма и либерализма. В рамках данной модели государство создает рамочные условия и инфраструктуру для молодежной самореализации, а конкретные инициативы часто реализуются через негосударственные организации при государственной поддержке, что обеспечивает баланс между государственным регулированием и общественной инициативой.

В России исторически сложилась и закрепились преимущественно патерналистская модель с отдельными элементами социал-демократического подхода, что обусловлено как традициями государственного управления, так и спецификой организации общественной жизни. Данная особенность оказывает существенное влияние на характер современных трансформаций молодежной политики в цифровую эпоху, определяя как возможности, так и ограничения адаптации к новым условиям.

Реализация государственной молодежной политики традиционно осуществляется посредством

комплекса взаимосвязанных инструментов, сформировавшихся в индустриальную эпоху и отражающих её институциональную логику. Нормативно-правовое регулирование обеспечивает законодательную основу молодежной политики, закрепляя права и обязанности различных субъектов. На этой основе выстраивается программно-целевой подход, структурирующий деятельность государства через реализацию целевых программ и проектов, направленных на решение конкретных проблем молодежи.

Материальным воплощением государственной молодежной политики выступает институциональная инфраструктура – разветвленная сеть специализированных учреждений, от федеральных агентств до местных молодежных центров. Основу её исследования формируют различные методы и подходы институционального анализа, дополненные современным инструментарием, таким как анализ больших данных и сетевой анализ, методически описанные в работе А. Г. Поляковой и соавторов [8].

Институциональная инфраструктура дополняется системой поддержки молодежных организаций, позволяющей государству делегировать часть функций негосударственным структурам, сохраняя при этом контроль через механизмы финансирования. Завершающим элементом традиционного инструментария выступает информационное сопровождение, обеспечивающее продвижение государственных инициатив через официальные каналы коммуникации.

Все эти инструменты функционируют в рамках институциональной иерархии с четким разделением ролей: государство выступает инициатором и контролером, а молодежь – адресатом воздействия. Такая модель взаимодействия соответствовала реалиям индустриального общества с его вертикальными структурами и централизованными каналами распространения информации.

Однако в условиях цифровизации традиционный инструментарий демонстрирует существенные ограничения. Вертикальная структура государственной коммуникации вступает в противоречие с горизонтальной логикой цифровых взаимодействий. Формализованный характер государственных инициатив контрастирует с неформальной природой цифровой социализации молодежи. Институциональная обособленность государственных структур препятствует их интеграции в цифровую экосистему, где физические и виртуальные пространства существуют в неразрывном единстве. Эти противоречия делают необходимым поиск новых подходов, адаптированных к специфике цифровой среды и современным практикам молодежной коммуникации.

Вызовы цифровизации для классической модели молодежной политики

Цифровизация общественных процессов и связанная с ней трансформация социальных практик кардинально меняют контекст реализации государственной молодежной политики. Как отмечает М. Кастельс, сетевое общество формирует новую логику социальных взаимодействий, основанную на горизонтальных связях и децентрализованном распространении информации [14]. В этих условиях классическая патерналистская модель сталкивается с фундаментальными вызовами, требующими переосмысления базовых принципов государственного взаимодействия с молодежью.

Первым и наиболее значимым вызовом выступает радикальное изменение каналов коммуникации и информационного потребления молодежи. Традиционная модель молодежной политики опиралась на официальные государственные каналы распространения информации – СМИ, образовательные учреждения, молодежные центры. Однако современная молодежь формирует свое информационное поле преимущественно в цифровом пространстве, где государственное присутствие минимально или воспринимается как чужеродное, в связи с чем, например, С. И. Черных и И. Г. Борисенко, считают, что в цифровом пространстве уровень патернализма резко понижается [12, с. 6]. Большинство молодых людей получают основной объем информации из социальных сетей и мессенджеров, тогда как традиционные каналы государственной коммуникации находятся на периферии их информационного внимания [9]. На этом фоне, как отмечает С. В. Поляков, возникает и новый тип отчуждения, «где человек, становясь объектом тотальной алгоритмической прозрачности, одновременно утрачивает способность понимать механизмы, управляющие его жизнью» [7, с. 220] – значимый фактор трансформации молодежной политики.

Эта трансформация информационных каналов неразрывно связана с изменением принципов формирования молодежных сообществ. В доцифровую эпоху молодежные группы преимущественно формировались на основе территориальной, институциональной или социально-демографической принадлежности, что позволяло государству структурировать взаимодействие с молодежью через соответствующие институциональные механизмы. В цифровую эпоху доминирующим фактором формирования сообществ становится общность интересов и ценностей, не привязанная к физическому пространству. В такой ситуации именно цифровые платформы становятся основной средой социализации и идентификации современной молодежи, что существенно ограничивает

возможности государственного воздействия через традиционные территориальные и институциональные механизмы [2].

Институциональная обособленность государственных структур препятствует их интеграции в цифровую экосистему, где физические и виртуальные пространства существуют в неразрывном диалектическом единстве. Данное единство не следует понимать как простое слияние или наложение двух реальностей. Скорее, это сложная система взаимных детерминаций и опосредований, где материальная инфраструктура (серверы, линии связи, устройства) создает техническую основу для возникновения виртуальных пространств, а те, в свою очередь, трансформируют практики использования и организации физического пространства.

В этой диалектической системе физическое и виртуальное постоянно переопределяют друг друга: цифровые карты и навигационные сервисы меняют логику перемещения в городском пространстве; технологии дополненной реальности накладывают цифровые слои на физические объекты; виртуальные коммуникации приводят к переосмыслению архитектурных и градостроительных решений. Следовательно, неразрывность этих пространств означает их взаимопроникновение и взаимообусловленность, а не тождественность или взаимозаменяемость.

В цифровую эпоху, несмотря на сохраняющуюся фундаментальную значимость физического пространства как материальной основы бытия, доминирующим фактором формирования сообществ становится общность интересов и ценностей, преодолевающая географические ограничения. Это не означает дематериализацию социальной жизни или отрицание значимости физического пространства, но отражает качественное изменение социальной топологии.

Происходит трансформация онтологического статуса локальности: физическая близость перестает быть необходимым условием для формирования устойчивых социальных связей, но сохраняет свою роль в определенных аспектах жизнедеятельности человека. Так, виртуальные сообщества, объединенные общими интересами и ценностями (профессиональные сообщества, сообщества по интересам, политические движения), могут формировать более глубокие и интенсивные связи, чем территориальные соседства, при этом сохраняя потребность в периодических физических встречах и взаимодействиях.

Таким образом, формируется новая социальная онтология, в которой пространственность как категория социального бытия претерпевает фундаментальное переосмысление. Физическое и виртуальное пространства не противостоят друг другу как антаго-

нисты, но образуют сложную гибридную реальность, где границы между материальным и цифровым становятся все более проницаемыми, создавая новые формы социальности и новые режимы присутствия человека в мире.

Не менее значимым вызовом выступает общее снижение доверия молодежи к формальным государственным институтам и официальным источникам информации. Это создает значительные барьеры для реализации государственных инициатив через официальные каналы, поскольку сам факт их государственного происхождения может вызывать скептическое отношение целевой аудитории и снижать их привлекательность.

Важным фактором трансформации выступает также изменение когнитивных процессов молодежи, сформировавшейся в цифровой среде. Феномен «клипового мышления», характеризующийся фрагментарностью восприятия и высокой скоростью переключения внимания, делает неэффективными традиционные форматы государственного информирования, основанные на линейном повествовании и формализованном изложении [3]. Современная молодежь ориентирована на визуальный контент, интерактивное взаимодействие и быстрое потребление информации, что существенно отличается от традиционных форматов государственной коммуникации, основанных на текстоцентричности и монологичности.

В цифровой среде происходит также фундаментальное размывание границ между различными сферами социальной жизни. Стираются четкие разделения между государственным и частным, формальным и неформальным, локальным и глобальным, что создает принципиально новый контекст реализации молодежной политики. Т. А. Кулакова и соавторы отмечают, что в эпоху цифровизации появляются новые формы гражданской активности, которые зачастую игнорируют и замещают структуры государства [5, с. 79]. В этих условиях классические инструменты, основанные на четком разграничении ролей и сфер ответственности, теряют свою эффективность и требуют существенной трансформации с учетом новой социальной реальности.

Первоначальной реакцией государства на вызовы цифровой эпохи стала попытка адаптации традиционных инструментов молодежной политики к новым условиям через их простую цифровизацию. Данный подход, сохраняя базовую институциональную логику государственного воздействия, переносит его в цифровую среду без существенной трансформации содержательных и структурных аспектов.

В рамках этой стратегии государственные структуры создавали официальные сайты и порталы, переводя традиционные информационные материалы

в цифровой формат. Развивались системы электронного документооборота и дистанционного оказания государственных услуг для молодежи. Государственные учреждения и молодежные организации создавали официальные аккаунты в социальных сетях. Проводились онлайн-мероприятия – вебинары, онлайн-конференции, цифровые форумы, воспроизводящие в виртуальном пространстве традиционные форматы взаимодействия.

Однако, как показывает практика, простая цифровизация традиционных инструментов, сохраняющая формальный характер государственной коммуникации, оказалась недостаточно эффективной стратегией адаптации. Официальные аккаунты государственных структур в социальных сетях характеризуются низким уровнем вовлеченности молодежной аудитории. Они воспринимаются как инородный элемент цифровой среды, не соответствующий органичным практикам взаимодействия в социальных сетях [1].

Ограниченность данного подхода связана с тем, что цифровизация представляет собой лишь первый и наиболее поверхностный этап технологической трансформации. Необходимо различать цифровизацию как перенос существующих процессов в цифровую среду и цифровую трансформацию как фундаментальное переосмысление моделей взаимодействия с учетом возможностей и ограничений цифровой среды, которая, как указывает В. В. Колмаков и соавторы [4, с. 134], катализирует любые поведенческие феномены благодаря высокой скорости распространения информации.

Осознание ограниченности простой цифровизации стимулировало поиск более глубоких форм адаптации, связанных с трансформацией не только технологических, но и содержательных, структурных, коммуникационных аспектов молодежной политики. В результате этого поиска начала формироваться качественно новая модель государственного взаимодействия с молодежью, которую можно концептуализировать как «цифровой патернализм». Данная модель представляет собой не просто технологическую модернизацию существующих практик, но фундаментальную трансформацию самой логики государственного воздействия, адаптированную к реалиям сетевого общества и психологическим особенностям цифрового поколения.

Концептуализация феномена «цифрового патернализма»

«Цифровой патернализм» представляет собой новую модель государственной молодежной политики, сформировавшуюся в результате адаптации патерналистского подхода к условиям цифрового об-

щества. Данный феномен может быть теоретически осмыслен через синтез нескольких концептуальных перспектив, отражающих различные аспекты трансформации государственно-общественных отношений в цифровую эпоху.

Прежде всего, концепция «цифрового патернализма» резонирует с идеями неопатернализма и «либертарианского патернализма», обусловленные возможностью «мягкого подталкивания» (nudging) граждан к определенным моделям поведения через создание архитектуры выбора, незаметно направляющей принятие решений в желательном направлении [18]. Цифровая среда с ее алгоритмическими системами, адаптивными интерфейсами и персонализированным контентом создает беспрецедентные возможности для такого «подталкивания», позволяя государству реализовывать патерналистские функции неявным, но эффективным образом.

Вторым важным теоретическим основанием выступает концепция платформенного капитализма, акцентирующая внимание на роли цифровых платформ как новых центров экономической и социальной власти, контролирующих ключевые инфраструктуры современного общества [17]. В контексте «цифрового патернализма» государство стремится использовать потенциал платформенной модели, интегрируя свои функции в существующие цифровые платформы или создавая собственные платформенные решения, обеспечивающие масштабное и систематическое взаимодействие с молодежной аудиторией.

Третьим концептуальным измерением выступает теория алгоритмического управления, предполагающая трансформацию механизмов социального контроля в условиях, когда алгоритмы начинают играть ключевую роль в регулировании информационных потоков и социальных взаимодействий [15]. «Цифровой патернализм» активно использует потенциал алгоритмического управления, внедряя государственные приоритеты в алгоритмические системы популярных цифровых платформ и формируя таким образом информационную среду, способствующую реализации целей государственной молодежной политики.

На основе синтеза данных теоретических перспектив можно выделить ключевые характеристики «цифрового патернализма» как специфической модели государственной молодежной политики. Фундаментальной особенностью данной модели выступает делегирование патерналистских функций цифровым платформам. Государство реализует свои опекающие и направляющие функции не напрямую, а через популярные среди молодежи частные цифровые экосистемы, которые становятся посредниками между государством и молодым поколением. При этом сохра-

няется базовая патерналистская логика, но меняется институциональный механизм ее реализации.

Важнейшей характеристикой «цифрового патернализма» выступает также маскировка государственного присутствия. В отличие от традиционной модели, где государственный характер воздействия был явным и обозначенным, в рамках «цифрового патернализма» государственное влияние маскируется под естественные социальные взаимодействия в цифровой среде. Государственные инициативы интегрируются в повседневные цифровые практики молодежи таким образом, что не воспринимаются как внешнее воздействие, что позволяет преодолеть психологические барьеры восприятия и снизить сопротивление государственному влиянию [19].

Не менее значимой особенностью выступает адаптация к цифровой культуре молодежи. Государственные инициативы не просто переносятся в цифровую среду, но и адаптируются к ее стилистическим, технологическим и социальным особенностям. Они преподносятся в форматах, характерных для молодежных коммуникаций в цифровой среде – короткие видео, челленджи, мемы, игровые механики, что повышает их органичность и привлекательность для целевой аудитории.

Наконец, существенной характеристикой «цифрового патернализма» является создание иллюзии свободного выбора. Вместо прямых директив молодежи предлагается видимость самостоятельного выбора из опций, которые фактически предопределены государственной повесткой. Через механизмы алгоритмической фильтрации, психологического стимулирования и социального подкрепления формируется предпочтительная траектория поведения, воспринимаемая молодыми людьми как результат их собственного решения.

В совокупности эти характеристики формируют качественно новую модель государственной молодежной политики, адаптированную к реалиям цифрового общества и психологическим особенностям современной молодежи. «Цифровой патернализм» сохраняет базовую установку на государственное руководство процессами социализации молодежи, но реализует эту установку через новые институциональные механизмы, соответствующие логике сетевого взаимодействия и цифровой культуре молодого поколения.

Механизмы реализации «цифрового патернализма»

Реализация концепции «цифрового патернализма» осуществляется через комплекс взаимосвязанных механизмов, обеспечивающих интеграцию го-

сударственных инициатив в цифровую экосистему молодежных коммуникаций. Каждый из этих механизмов ориентирован на преодоление определенных ограничений традиционной модели и использование возможностей, предоставляемых цифровой средой.

Ключевым механизмом выступает интеграция государственных сервисов в популярные цифровые платформы. В отличие от традиционной модели, где молодые люди должны были обращаться к специализированным государственным порталам, «цифровой патернализм» предполагает внедрение государственных сервисов непосредственно в интерфейс социальных сетей и других цифровых платформ, уже используемых молодежью. Это позволяет преодолеть барьер между государственной и повседневной цифровой средой, повышая доступность и привлекательность государственных инициатив.

Интеграция осуществляется через разработку специализированных приложений и мини-сервисов, функционирующих внутри существующих цифровых платформ. Молодые люди получают возможность взаимодействовать с государственными программами непосредственно в привычной цифровой среде, без необходимости перехода на внешние ресурсы. Благодаря этому государственные сервисы воспринимаются не как нечто обособленное и формальное, а как органичная часть цифрового опыта, что существенно повышает их привлекательность.

Важным механизмом реализации «цифрового патернализма» выступает геймификация государственных инициатив. Используя принципы игрового дизайна, государственные программы представляются в формате игровых механик с системой уровней, достижений, рейтингов и наград [16]. Геймификация позволяет повысить вовлеченность пользователей и стимулировать желаемое поведение через механизмы внутренней и внешней мотивации. В контексте государственной молодежной политики это создает дополнительные стимулы для участия в государственных программах и следования государственным приоритетам.

Геймификация не ограничивается внедрением отдельных игровых элементов, но предполагает комплексное переосмысление государственных инициатив в логике игрового дизайна. Участие в молодежных программах структурируется по модели игрового процесса, с четкими целями, измеримым прогрессом, постепенным повышением сложности и системой вознаграждений. Это соответствует когнитивным и мотивационным особенностям цифрового поколения, воспитанного в среде компьютерных игр и привыкшего к постоянной обратной связи и динамичному взаимодействию.

Особую роль в реализации «цифрового патернализма» играет алгоритмическое продвижение «правильного» контента. Сотрудничество с цифровыми платформами позволяет использовать их алгоритмы рекомендаций для повышения видимости контента, соответствующего государственным приоритетам. Такое алгоритмическое продвижение воспринимается пользователями не как целенаправленное воздействие, а как естественный результат работы нейтральных технологических систем, что снижает психологическое сопротивление транслируемым ценностям и установкам.

Алгоритмическое продвижение может осуществляться через различные механизмы – от прямого партнерства с платформами, предоставляющего государственному контенту приоритет в алгоритмических рекомендациях, до тонкой оптимизации контента под особенности алгоритмов конкретных платформ. В любом случае, ключевым аспектом выступает ненавязчивость такого продвижения, его интеграция в естественный информационный поток пользователя, что обеспечивает более органичное восприятие транслируемой информации.

Создание «модных» молодежных движений с государственной поддержкой является еще одним механизмом реализации «цифрового патернализма», интерпретация которого, однако, резонирует с проблемой разграничения патернализма и «взаимодействия власти и общества», как это подчеркнуто, например, в работе Е. С. Устинович [11]. В практическом плане государственные структуры инициируют в цифровом пространстве тренды, предполагающие создание «модных» молодежных движений с государственной поддержкой, которые выглядят как спонтанные молодежные инициативы, но фактически продвигают государственную повестку. На данном примере можно проследить методологическое различие между двумя рассматриваемыми категориями, которое пролегает в пространстве распределения ролей: «ведущий – ведомый» в случае патернализма, и «равноправный» – в случае взаимодействия.

Еще одним механизмом реализации концепции «цифрового патернализма» может являться формирование системы цифровой идентификации и поощрения, т.е. создание системы цифровых статусов, бейджей, эксклюзивных визуальных элементов, закрепляющих принадлежность молодежи к одобряемым государством сообществам.

Репрезентативным примером практической реализации концепции «цифровой опеки» является сотрудничество государственных структур с социальной сетью ВКонтакте. Данное сотрудничество включает:

- разработку специализированных мини-при-

ложений – например, мини-приложение «Труд крут» для Молодежной общероссийской общественной организации «Российские студенческие отряды» (РСО), интегрированное в экосистему ВКонтакте;

- цифровую экосистему молодежных форумов – интеграция всего цикла участия в молодежных форумах (от регистрации до нетворкинга после мероприятия) в платформу ВКонтакте;

- систему цифровых наград и привилегий – создание эксклюзивных цифровых элементов (статусов, обложек, стикеров) для участников одобряемых государством молодежных программ;

- алгоритмическую поддержку – повышение видимости контента, связанного с государственными молодежными инициативами, в новостной ленте пользователей.

Анализ практической реализации «цифровой опеки» на примере сотрудничества государства с ВКонтакте позволяет выделить следующие параметры эффективности:

- повышение уровня вовлеченности – интеграция государственных инициатив в популярную социальную сеть значительно увеличивает количество молодых людей, взаимодействующих с государственными программами;

- снижение негативного восприятия – государственные инициативы, представленные через привычную цифровую платформу, вызывают меньше сопротивления и негативных реакций со стороны молодежи;

- оптимизация ресурсов – использование инфраструктуры существующих цифровых платформ позволяет снизить затраты на создание собственных государственных цифровых решений;

- повышение информированности – интеграция в экосистему социальной сети обеспечивает более эффективное распространение информации о государственных инициативах [1].

Заключение

Проведенное исследование феномена цифрового патернализма как фактора трансформации государственной молодежной политики позволило получить ряд научных результатов, имеющих теоретическую и практическую значимость.

Основным научным результатом работы является разработка оригинальной концепции «цифрового патернализма», представляющей собой теоретическую модель адаптации патерналистских практик государства к условиям сетевого общества и цифровой культуры молодежи. Данная концепция раскрывает новый этап эволюции государственной молодежной политики, характеризующийся переходом от прямого

институционального воздействия к опосредованному влиянию через цифровые платформы.

Существенным научным вкладом является выявление и классификация ключевых характеристик цифрового патернализма: 1) делегирование патерналистских функций цифровым платформам, обеспечивающее проникновение государственного влияния в повседневные цифровые практики молодежи; 2) маскировка государственного присутствия, позволяющая преодолеть психологические барьеры восприятия государственных инициатив; 3) адаптация к цифровой культуре молодежи, повышающая привлекательность и органичность государственных программ; 4) создание иллюзии свободного выбора через алгоритмическое управление информационными потоками.

На эмпирическом уровне значимым результатом является идентификация и систематизация конкретных механизмов реализации цифрового патернализма: интеграция государственных сервисов в цифровые платформы, геймификация государственных инициатив, алгоритмическое продвижение «правильного» контента и создание «модных» молодежных движений с государственной поддержкой. На примере сотрудничества государственных структур с социальной сетью ВКонтакте показана эффективность данных механизмов по критериям повышения уровня вовлеченности молодежи, снижения негативного восприятия государственных инициатив и оптимизации ресурсов.

Теоретическая значимость полученных результатов определяется их вкладом в развитие современной теории государственного управления, социальной философии, цифровизации и исследований молодежной политики. Концепция цифрового патернализма обогащает теоретическое понимание трансформации властных отношений в сетевом обществе, демонстрируя, как патерналистские практики адаптируются к новым технологическим и социокультурным условиям, со-

храняя свою сущность, но меняя формы проявления.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенных концептуальных моделей и выявленных механизмов для повышения эффективности государственной молодежной политики. Полученные результаты могут служить теоретическим основанием для разработки государственных программ и проектов, ориентированных на взаимодействие с молодежью в цифровой среде.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: 1) изучение потенциала внедрения искусственного интеллекта, дополненной реальности и блокчейн-технологий в инструментарий цифрового патернализма; 2) анализ трансформации моделей гражданской активности молодежи под влиянием цифрового патернализма [13]; 3) исследование этических аспектов и социальных последствий цифрового патернализма в контексте государственной молодежной политики.

Для полноценной реализации потенциала цифрового патернализма необходимо обеспечение прозрачности механизмов воздействия, решение этических проблем, связанных с алгоритмическим управлением, и преодоление цифрового неравенства, ограничивающего доступ части молодежи к цифровым экосистемам. Балансирование между эффективностью государственного влияния и сохранением автономии личности представляется важнейшим условием устойчивого развития предложенной модели.

Таким образом, концепция цифрового патернализма открывает новые теоретические перспективы для осмысления трансформации государственно-молодежных отношений в цифровую эпоху и предлагает практические механизмы адаптации государственной молодежной политики к новым технологическим и социокультурным реалиям.

Литература

1. Бориско О. А., Ячменник К. В. Цифровое пространство молодежной политики (кейс Краснодарского края) // Социально-политические исследования. – 2022. – № 3 (16). – С. 47–64. – <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-47-64>. – EDN: NLEEQL.
2. Данилов С. А. Риски и потенциал интернет-социализации молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12, № 2. – С. 42–46. – EDN: OZJYQL.
3. Комлева В. В. Клиповое мышление: размышления об адаптации к изменяющейся реальности // Россия: общество, политика, история. – 2023. – № 2 (7). – С. 84–97. – [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2\(7\)-84-97](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2(7)-84-97). – EDN: DFBTIV.
4. Колмаков В. В., Полякова А. Г., Поляков С. В. Обоснование подхода розничных инвесторов к формированию портфеля с точки зрения теории поведенческих финансов // Финансы: теория и практика. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 133–145. – <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-1-133-145>. – EDN: ZJNQBY.
5. Кулакова Т. А., Лукьянова Г. В., Волкова А. В. От экономического патернализма к цифровому контролю // Проблемы современной экономики. – 2022. – № 1 (81). – С. 79–83. – EDN: NOVPEU.

6. Мазитова Д. О., Райхлина А. В., Зиновьева А. Н. Молодёжная политика как объект цифрового государственного управления региона // Бизнес. Образование. Право. – 2023. – № 1 (62). – С. 148–153. – <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.62.570>. – EDN: UALDHU.
7. Поляков С. В. Диалектика прозрачности и непрозрачности в цифровом обществе // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сборник научных статей 14-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск, 27 декабря 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 219–224. – EDN: UWCELN.
8. Полякова А. Г., Колмаков В. В., Мирзабекова М. Ю. Сетевой анализ организации социально-экономических процессов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 60–73. – <https://doi.org/10.18721/JE.12305>. – EDN: ZNXJVS.
9. Посакалова Т. А., Сорокова М. Г. Цифровая социализация молодых взрослых: тренды и тенденции в коммуникации // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2022): Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 17–18 ноября 2022 года / Под редакцией В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. – М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2022. – С. 331–343. – EDN: OECZIN.
10. Рубинштейн А. Я. Почему одни теории не получают признания, а другие имеют успех: «Мериторный патернализм» Р. Масгрейва и «Либертарианский патернализм» Р. Талера // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2019. – Т. 23, № 3. – С. 345–364. – <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-3-345-364>. – EDN: QZJHUM.
11. Устинович Е. С. От «патернализма» к «взаимодействию»: трансформация отношений власти и российского общества в условиях цифрового развития // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 1. – С. 32–36. – EDN: YPAKZX.
12. Черных С. И., Борисенко И. Г. Цифровая образовательная среда – основной тренд трансформации образования // Философия образования. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 5–17. – <https://doi.org/10.15372/PHE20210301>. – EDN: ZHBBSO.
13. Шинкаренко Е. А. Цифровая социализация молодежи как фактор формирования регионального активизма // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития : материалы Международная научно-практическая конференция (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 года). – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. – С. 463–465.
14. Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society* (2nd ed.). Oxford : Blackwell, 656 p. (In Eng.).
15. Katzenbach C., Ulbricht L. (2019) Algorithmic Governance. *Internet Policy Review*. Vol. 8. No. 4. – <https://doi.org/10.14763/2019.4.1424>. (In Eng.).
16. Mills S. (2025) The Gamification of Citizenship. *Scottish Geographical Journal*. No. 1, pp. 1–8. – <https://doi.org/10.1080/14702541.2025.2454033>. (In Eng.).
17. Srnicek N. (2017) *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity, 120 p. (In Eng.).
18. Sunstein C. R. (2014). Nudging: A very short guide. *Journal of Consumer Policy*. Vol. 37. No. 4, pp 583–588. – <https://doi.org/10.1007/s10603-014-9273-1>. (In Eng.).
19. Walzl M. (2017) *Digital Paternalism. About Software and Its Impact on Human Decisions*. Munich: GRIN Verlag, 72 p.

References

1. Borisko, O. A., Yachmennik, K. V. (2018) [Digital space of youth policy (case of Krasnodar region)]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya* [Socio-political research]. Vol. 3, pp. 47–64. – <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-47-64>. (In Russ.).
2. Danilov, S. A. (2012) [Risks and potential of Internet socialization of youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 12, No. 2, pp. 42–46. (In Russ.).
3. Komleva, V. V. (2023) [Clip thinking: reflections on adaptation to changing reality]. *Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya* [Russia: society, politics, history]. Vol. 2, pp. 84–97. – [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2\(7\)-84-97](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2(7)-84-97). (In Russ.).
4. Kolmakov, V. V., Polyakova, A. G., Polyakov, S. V. (2025) Behavioral finance explanation of retail investors' approach to portfolio design. *Finance: Theory and Practice*. Vol. 29. No. 1, pp. 133–145. – <https://doi.org/10.26794/2587->

5671-2025-29-1-133-145. (In Russ.).

5. Kulakova, T. A., Luk'yanova, G. V., Volkova, A. V. (2022) [From economic paternalism to digital control]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economics]. Vol. 1, pp. 79–83. (In Russ.).

6. Mazitova, D. O., Raikhлина, A. V., Zinov'eva, A. N. (2023) [Youth policy as an object of digital public administration of the region]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law]. Vol. 1, pp. 148–153. – <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.62.570>. (In Russ.).

7. Polyakov, S. V. (2024) [Dialectics of transparency and opacity in digital society]. *Issledovanie innovatsionnogo potentsiala obshchestva i formirovanie napravlenii ego strategicheskogo razvitiya : sbornik nauchnykh statei 14-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Research of the innovative potential of society and formation of directions of its strategic development: collection of scientific articles of the 14th All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», pp. 219–224. (In Russ.).

8. Polyakova, A. G., Kolmakov, V. V., Mirzabekova, M. Yu. (2019) [Network analysis of the organization of socio-economic processes]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki* [Scientific and technical bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences]. Vol. 12, No. 3, pp. 60–73. – <https://doi.org/10.18721/JE.12305>. (In Russ.).

9. Poskakalova, T. A., Sorokova, M. G. (2022) [Digital socialization of young adults: trends and tendencies in communication]. *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2022) : Sbornik statei III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Digital humanities and technologies in education (DHTE 2022): Collection of articles of the III All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Eds. V. V. Rubtsov, M. G. Sorokova, N. P. Radchikova. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education, pp. 331–343. (In Russ.).

10. Rubinshtein, A. Ya. (2019) [Why some theories do not receive recognition, while others are successful: «Merit paternalism» by R. Musgrave and «Libertarian paternalism» by R. Thaler]. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Economic Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 23, No. 3, pp. 345–364. – <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-3-345-364>. (In Russ.).

11. Ustinovich, E. S. (2018) [From «paternalism» to «interaction»: transformation of relations between government and Russian society in the context of digital development]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. Vol. 1, pp. 32–36. (In Russ.).

12. Chernykh, S. I., Borisenko, I. G. (2021) [Digital educational environment – the main trend in the transformation of education]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education]. Vol. 21. No. 3, pp. 5–17. – <https://doi.org/10.15372/PHE20210301>. (In Russ.).

13. Shinkarenko, E. A. (2018) [Digital socialization of youth as a factor in the formation of regional activism]. *XXI Ural'skie sotsiologicheskie chteniya. Sotsial'noe prostranstvo i vremya regiona: problemy ustoychivogo razvitiya : materialy Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [XXI Ural Sociological Readings. Social space and time of the region: problems of sustainable development: materials of the International scientific-practical conference]. Yekaterinburg: University of Humanities, pp. 463–465. (In Russ.).

14. Castells, M. (2010) *The Rise of the Network Society* (2nd ed.). Oxford : Blackwell, 656 p. (In Eng.).

15. Katzenbach, C., Ulbricht, L. (2019) Algorithmic Governance. *Internet Policy Review*. 2019. Vol. 8. No. 4. – <https://doi.org/10.14763/2019.4.1424>. (In Eng.).

16. Mills, S. (2025) The Gamification of Citizenship. *Scottish Geographical Journal*. No. 1, pp. 1–8. – <https://doi.org/10.1080/14702541.2025.2454033>. (In Eng.).

17. Srnicek, N. (2017) *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity, 120 p. (In Eng.).

18. Sunstein, C. R. (2014). Nudging: A very short guide. *Journal of Consumer Policy*. Vol. 37. No. 4, pp. 583–588. – <https://doi.org/10.1007/s10603-014-9273-1>. (In Eng.).

19. Walzl, M. (2017) *Digital Paternalism. About Software and Its Impact on Human Decisions*. Munich : GRIN Verlag, 72 p.

Информация об авторе:

Сергей Владимирович Поляков, аспирант, научная специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия, ассистент кафедры истории и философии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; преподаватель кафедры информационной безопасности, Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова, Королёв, Россия

ORCID iD: 0000-0002-8838-2140, **Scopus Author ID:** 57203265826

e-mail: svpolyakow@ya.ru

Статья поступила в редакцию: 09.03.2025; принята в печать: 22.05.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Sergey Vladimirovich Polyakov, postgraduate student, scientific specialty 5.7.7. Social and Political Philosophy, assistant of the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; lecturer of the Department of Information Security, Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut A.A. Leonov, Korolev, Russia

ORCID iD: 0000-0002-8838-2140, **Scopus Author ID:** 57203265826

e-mail: svpolyakow@ya.ru

The paper was submitted: 09.03.2025.

Accepted for publication: 22.05.2025.

The author has read and approved the final manuscript.